

Смеркалось, когда Лу Юйань наконец вернулся на виллу. Окна особняка ярко сияли; перед парадным входом выстроилось несколько представительских автомобилей — судя по всему, в гости пожаловали Сяо, давние деловые партнеры отца. В столовой длинный стол уже ломился от изысканной посуды.

Только теперь Юйань вспомнил, что утром Лу Чжэнцин вскользь упоминал о визите важных гостей.

Отец с сыном увлеченно беседовали и даже не заметили его возвращения. Зато Сяо Юйси, сидевший рядом с Лу Юйнином, сразу вскинул голову и вызывающе ухмыльнулся, встретившись с ним взглядом.

Серая школьная куртка Юйаня покрылась пылью после драки. Плотная ткань скрывала ушибленное плечо, но на виду оставались мелкие царапины, а в уголке рта налилась багровая припухлость. На самом деле пострадал он не сильно, но у него с детства была нежная кожа, на которой малейший ушиб мгновенно проступал ярким следом. Именно поэтому каждый раз, стоило Ли Фанцзя спяну распустить руки, Юйань выглядел так, будто его забили до полусмерти. Только в такие минуты Ван Жу ненадолго приходила в себя: она горько плакала, обнимая сына, и даже принималась паковать чемоданы, клянясь навсегда уйти от мужа-тирана.

Но решимости её хватало ненадолго. Стоило ранам Юйаня затянуться, как Ван Жу снова поддавалась слезным уговорам и мольбам Ли Фанцзя о прощении. Так продолжалось из года в год. Лишь когда Юйань подрос, отчим перестал распускать руки в его присутствии, опасаясь получить отпор. Но стоило Юйаню перешагнуть порог дома, как Ли Фанцзя с еще большей жестокостью отыгрывался на Ван Жу и маленьком Лэлэ.

Но сильнее всего ранила глухая беспомощность: Ван Жу сама покрывала побои мужа. Юйань не раз ловил себя на ледящем страхе — если он вернется в семью Лу, отчим просто забьет до смерти Ван Жу и малютку Наньнань.

Вот почему в первый же день после возвращения на виллу он тайком попросил у Лу Чжэнцина крупную сумму. Отец тогда еще чувствовал вину перед ним, а потому не стал расспрашивать и без лишних слов выписал чек. Об этих деньгах Ли Фанцзя ничего не знал. Огромная компенсация, которую клан Лу выплатил приемной семье в качестве благодарности, до Ван Жу и детей все равно бы не дошла — отчим прибрал бы ее к рукам до единого юаня. Поэтому Юйань поставил матери твердое условие: если она разведется с Ли Фанцзя и уедет в родную деревню, он будет каждый месяц переводить ей деньги на лечение Лэлэ.

К счастью, в этот раз материнский инстинкт возобладал над слепой привязанностью. Ван Жу согласилась уехать. В прошлой жизни во время их последних разговоров она просила его больше не присылать переводы — она сумела открыть небольшую лавку и встретила надежного человека, который искренне любил ее и не чурался больного Лэлэ.

Если сопоставить сроки, сейчас дела Ван Жу на родине уже должны были пойти на лад.

Стоило Юйаню подойти ближе, как оживленный разговор отца и сына оборвался сам собой.

Юйань давно привык к этому. Эти трое были настоящей, крепкой семьей, спаянной годами совместной жизни и негласного взаимопонимания. В прошлой жизни он, переступив через гордость, навязывался к ним, усаживался рядом и жадно ловил обрывки воспоминаний, понятных только им: заснеженные склоны Швейцарии, где они проводили праздники, или резвый пони, которого Лу Чжэнцин подарил Лу Юйнину на именины. Он из кожи вон лез, пытаясь вставить хоть слово, доказать, что он тоже свой, тоже член семьи.

Теперь же он не собирался напрашиваться на презрительное равнодушие.

Лу Чжэнцин терпеть не мог его драк и не раз отчитывал его за это. Не желая нарываться на очередную нотацию, Юйань молча направился к лестнице.

Однако Сяо Юйси не упустил случая съязвить:

— Надо же, Лу Юйань! Чего это ты так поздно?

— Не твое дело, — буркнул Юйань.

Мысленно он обозвал Сяо Юйси напыщенным придурком, который вечно пресмыкается перед Лу Юйнином, и, даже не повернув головы, шагнул на первую ступень.

Лу Чжэнцин, до этого хранивший молчание, почувствовал, как к горлу подкатывает волна раздражения.

Как Юйань смеет так грубо отвечать гостю? Ведь это элементарное неуважение. Отец уже знал о ЧП в школе и понимал, что у Юйаня были веские причины сорваться на учителя. Он даже испытывал смутную вину перед сыном за поспешные выводы, но, глядя на этот колючий, упрямый взгляд, начисто забыл о раскаянии.

Что бы ни толкнуло его на драку в школе, его жестокость по отношению к Ниннину отец видел собственными глазами.

Если он действительно решил взяться за воспитание Юйаня, то больше нельзя спускать ему подобные выходки.

— Юйань, — строго оборвал его Лу Чжэнцин. — Юйси — наш гость. Отвечай вежливо, не позорь семью.

Мужчина нахмурился, разглядывая грязный живот сына. Не дожидаясь ответа, он резко добавил:

— И что с твоим видом?

Сяо Юйси состроил фальшиво-сочувственную мину:

— О боже, ты снова подрался? Юйань, с тобой все в порядке?

Он ни капли не боялся, что Юйань сдаст его сообщников. Кто поверит задире и грубияну, который ввязывается в потасовки чуть ли не каждый день? Телефонное слово «придурок» до сих пор горело у Юйси в ушах несмываемой обидой. Этот безродный выскочка довел Ниннина до больницы, а дядя Лу даже пальцем его не тронул! Нет уж, он проучит этого наглеца во что бы то ни стало.

Лу Юйнин взволнованно вскочил с места:

— Гэ, ты ранен? Где болит? Ну-ка, покажи!

Слово «подрался» окончательно лишило Лу Чжэнцина самообладания. Гнев вспыхнул в нем ярким пламенем:

— Опять драка?! Сколько можно?!

Да, Юйань рос в бедности, но его приемная мать была мягкой, достойной женщиной, относившейся к нему как к родному сыну. Но Юйань умудрился перенять худшие привычки своего отчима-алкоголика: набрался уличных замашек, полюбил решать вопросы кулаками и связался с сомнительным сбродом.

Предыдущий скандал едва успел утихнуть, а он снова лезет на рожон. Неисправимый упрямец!

Но не успел Лу Чжэнцин обрушить на сына лавину упреков, как двери распахнулись. В холл вошел Лу Ванбэй в сопровождении гостей, и отцу пришлось спешно умерить пыл.

Юйаню было плевать на гнев отца. Он незаметно отступил на шаг назад, увеличивая дистанцию и выжидая удобный момент, чтобы ускользнуть к себе.

Кто же эти гости, ради которых в Поместье клана Лу даже заново подстригли газоны? Юйань бросил мимолетный взгляд на вошедших и изумленно округлил янтарные глаза.

Возглавлял процессию статный мужчина лет пятидесяти в изысканном традиционном халате цвета бледной луны, от которого веяло утонченным благородством. А сразу за ним шел молодой человек в строгой белой рубашке.

Тот самый незнакомец из грязного переулка.

Мо Иньсюэ тоже заметил Лу Юйяня.

Юйянь поспешно отвел взгляд и уставился на носки своих кроссовок, делая вид, будто видит этого человека впервые.

Лу Чжэнцин виновато улыбнулся Яну Чунгую:

— Извините, пришлось отчитать сорванца прямо при вас. Семейные будни, так сказать.

Затем его взгляд переместился на молодого спутника мастера Яна:

— А вы, должно быть, Иньсюэ? Наслышан о ваших успехах. Выглядите блестяще. Я внимательно следил за осенним аукционом прошлого года, которым вы руководили. Великолепная организация, оригинальная концепция, да и рекордный процент закрытых лотов говорит сам за себя.

Лу Чжэнцин действительно много знал о Мо Иньсюэ. Старший внук Клана Мо из Гонконга. Два года назад, когда глава семьи тяжело заболел, Мо Иньсюэ железной рукой взял бразды правления в свои руки. Несмотря на скромную номинальную должность, он жестко подавил сопротивление старейшин клана. Под его прямым контролем аукционный дом «Кристис», главный актив Мо, раз за разом закрывал торги с выручкой, превышающей миллиард юаней за вечер. И пусть сейчас он отошел от оперативного управления бизнесом, но Лу Чжэнцин не смел недооценивать этого молодого человека. Наследник такого уровня не мог быть заурядным администратором. Тот факт, что возвращение национального достояния — картины «Снежный путь в холодных горах» — доверили именно ему, говорил о беспрецедентном доверии со стороны правительства и весе Мо Иньсюэ в высших кругах.

Мо Иньсюэ вежливо, но прохладно кивнул:

— Старейшины семьи излишне благосклонны ко мне. Мои заслуги сильно преувеличены.

Ян Чунгуй, будучи человеком искусства, бесконечно далеким от коммерции, пропустил этот светский обмен любезностями мимо ушей. Он огляделся и, заметив притаившегося в углу Лу Юйяня, уверенно направился прямо к нему. Его лицо озарила теплая улыбка.

— Ты ведь Юйянь, верно? — ласково спросил мастер Ян, окинув юношу взглядом. — Славный мальчик. Я близкий друг твоей мамы, Му Цин.

Он помедлил и негромко добавил с глубокой, светлой грустью в голосе:

— Глаза... Твои глаза точь-в-точь как у нее.

При упоминании матери ресницы Юйаня дрогнули.

От природы у юноши не было того мягкого, покладистого выражения лица, которое так ценилось взрослыми; в молчании он всегда казался угрюмым и колючим. Но сейчас он заставил себя улыбнуться — неумело, натянуто, словно маленький ежик, отчаянно прячущий иголки, чтобы случайно никого не уколоть.

— Здравствуйте, дядя Ян, — тихо произнес он, вежливо поклонившись.

Мо Иньюэ внимательно наблюдал за этой сценой. Этот робкий подросток разительно отличался от того дерзкого оборвыша, готового броситься на любого встречного в темном переулке.

Впрочем, секундное недоумение быстро растаяло. Семья Лу процветала в Южном городе уже больше века и считалась одной из самых влиятельных династий. Как наследник такого почтенного рода мог оказаться в Богом забытых трущобах?

К тому же, когда они вошли, Юйань стоял в стороне, всеми покинутый. Он упрямо выпрямлял спину, топорщился иголками, но за этой напускной резкостью сквозила пронзительная незащитность. На парня напали вчетвером, избили, а собственная семья вместо поддержки встречает его криками и упреками?

Вспомнив скупые рассказы мастера Яна о перипетиях в доме Лу, Мо Иньюэ начал догадываться о причинах происходящего. В груди шевельнулось странное чувство.

Будучи старшим внуком в клане Мо, он с детства привык опекать многочисленных младших братьев и сестер. У его тети тоже когда-то пропал ребенок. Мальчик много лет бродяжничал, натерпелся горя, и когда его наконец нашли и вернули домой, вся семья сдувала с него пылинки, окружая безграничной заботой. Иньюэ и сам всегда старался баловать племянника. Если бы его дома приняли так же холодно, как Юйаня, бедный ребенок иссох бы от горя и обиды. Но Мо Иньюэ никогда не совал нос в чужие дела.

Тем временем Ян Чунгуй обменялся приветствиями с Лу Ванбэем и повернулся к Мо Иньюэ:

— Ванбэя ты уже знаешь. А это младшие сыновья господина Лу — Юйань и Юйнин. Юйнин — очень одаренный юноша, у него настоящий талант к живописи. Я показывал твоему дедушке его эскизы шестигранных дворцовых фонарей, и старец Янь отозвался о них весьма похвально. А ты ведь знаешь, как редко он кого-то хвалит.

Действительно, во всем сообществе Китайской академии искусств едва ли нашлось бы пять человек из молодого поколения, удостоившихся доброго слова от самого старца Яня.

На лице Лу Юйнина на миг застыла фальшивая улыбка, а в глубине глаз промелькнуло тщательно скрываемое замешательство. На душе у него заскребли кошки.

Лу Ванбэй расплылся в горделивой улыбке. Его младший брат просто обязан быть лучшим во всем.

На самом деле получить этот шанс для Юйнина было невероятно трудно. Последние годы юноша не мог найти достойного наставника, а долгий застой губителен для любого начинающего художника. Ванбэй видел это и места себе не находил от беспокойства. Человек дела, он лично занялся судьбой брата: наводил справки, строил планы и в конце концов задействовал связи по линии покойного дедушки с материнской стороны, чтобы организовать эту встречу.

Но Ванбэй ни о чем не жалел. Юйнин заслуживал только самого лучшего — в этом он видел свой долг старшего брата.

Он мельком глянул на Лу Юйаня. Тот неожиданно послушно и ласково заговорил с мастером Яном, и эта внезапная покладистость не укрылась от внимания Ванбэя, оставив на сердце неприятный осадок.

«Хоть бы это было не то, о чем я думаю», — пронеслось в голове Ванбэя.

Лу Чжэнцин тоже так и сиял от гордости за сыновей. Отец и два его любимых сына стояли плечом к плечу, излучая неподдельное семейное тепло. Даже Мо Инсюэ, будучи здесь посторонним человеком, сразу почувствовал, насколько сильна их духовная связь.

Он слегка скосил глаза в сторону и заметил Юйаня. Подросток стоял чуть поодаль, прислонившись спиной к стене и скрестив руки на груди. Мешковатая серая куртка скрывала побои, но в то же время подчеркивала его болезненную худобу. Мальчишка откровенно скучал, лениво наматывая на палец лямку школьного рюкзака.

— Какая жалость, что Юйань не унаследовал мамин дар, — с легким вздохом посетовал Ян Чунгуй. Ему было искренне жаль, что родной сын его любимой соученицы оказался бесконечно далек от холста и кисти.

— У Юйаня просто нет к этому способностей, — равнодушно обронил Лу Чжэнцин.

«Не умеет рисовать?»

Мо Инсюэ удивленно приподнял бровь. Он перевел долгий, пронзительный взгляд на юношу, стоявшего у стены, и после затянувшейся паузы негромко спросил:

— Значит, ты и есть Юйнин?

Ян Чунгуй опешил и поспешил поправить его:

— Нет-нет, Иньсюэ, это Юйань.

Лу Юйнин очаровательно улыбнулся и поспешил вставить своим мягким, ласковым голоском:

— Брат Иньсюэ, Юйнин — это я! А это мой второй гэгэ.

— Вот как? — Мо Иньсюэ помедлил, не отрывая взгляда от профиля стоявшего у стены подростка, а затем как бы невзначай обронил: — Дядя Ян, но вы ведь уверяли меня, что в семье Лу рисует только Юйнин. Откуда тогда эти навыки у Юйаня?

Пальцы Лу Юйаня, увлеченно теребившие лямку рюкзака, замерли. Он медленно вскинул голову и в упор посмотрел на Мо Иньсюэ.

<http://bllate.org/book/19801/1995415>